

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВОГО СТРОЯ ЯЗЫКА
ОКИНСКИХ БУРЯТ И СОЁТОВ

Данный очерк является продолжением начатого нами описания особенностей строя языка современного населения долины реки Оки¹.

Как уже нами отмечалось², население Окинской долины состоит из собственно бурят и соётов. Горная Ока, как ее иногда называют, бурятоязычным населением обжита издавна. Соёты, в прошлом тувинцы-оленоводы, выходцы из Прихубсугулья, тоже давно все говорят только на бурятском языке, а их исконный соётский, то есть тувинский, язык вышел из употребления полтора-два столетия тому назад, о чем свидетельствовал М.А. Кастрен³, посетивший эти края в 1848 г. и не нашедший ни одного соёта, знавшего свой язык. Все говорили только по-бурятски.

Из истории и из устных преданий местных жителей мы знаем, что некогда, до бурят, в Оке жили тюркоязычные племена. Об этом же свидетельствуют и данные топонимики⁴. О дотюркском языке населения долины данных нет. Своим происхождением окинские буряты связаны с бурятами Тунки и Алари. Соёты - относительно недавние выходцы из Монголии, из окрестностей оз. Хубсугул.

Строй языка окинских бурят и ныне бурятоязычных соётов не подвергался научному исследованию и по нему нет каких-либо опубликованных сведений, поэтому единственным источником данной работы являются наши полевые материалы, собранные в 1977 г. в Окинском районе Бурятской АССР у представителей местного бурятского и соётского населения.

Весь материал в процессе сбора фиксировался нами знаками точной фонетической транскрипции, представляющей значительные трудности при типографском воспроизведении. Только по этой причине весь фактический материал подан знаками современного бурятского алфавита с добавлениями в необходимых случаях знаков из алфавитов других монгольских языков.

Рассмотрим ниже особенности звукового состава языка окинских бурят и соётов дифференцированно по гласным и согласным.

Вокализм

Для окинского говора в целом характерна все же система гласных фонем общебурятского типа, получившая отражение в литературном бурятском языке. В языке окинцев употребительны в 1-м слоге те же краткие кардинальные фонемы а, о, у, э, и, у. Например:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
саһан	саһан	цас	časun	снег
арбан	арбан	арав	arban	десять
гээзэгэ	гээзэгэ	гэдзэг	gejige	коса
эртэ	эртэ	эрт	erte	рано
ойодол	оёдол	оёдол	oyudul	шов
һонин	һонин	сонин	sonin	интересный
гутаха	гутаха	гутах	yutaqu	портиться
шуһан	шуһан	цус	cisun	кровь
урубтэр	урэбтэр	өрөвтөл	örübtül	рашпиль
һулиһэн	һулиһэн	цөс	sölsün	желчь
ирзаэха	ирзайха	ярдзайх	irjayiqu	скалить зубы
илакка	илгаха	ялгах	ilyaqu	различать.

По нашим наблюдениям, в произношении бурят Окинской долины, как и в произношении всех остальных групп бурят, в особенности иркутских, слышится смешаннорядный характер гласного э, чем бурятский язык вообще отличается от халха-монгольского и калмыцкого языков и о чем нами уже говорилось⁵. Так, например, окинцы произносят зэд [zэд] - красная медь, хэнгэргэ [хэнгэргэ] - ламский барабанчик, нэмэхэ [нэмэхэ] - добавить, ср. соответственно лит.-бур. зэд [zэд], хэнгэрэг [хэнгэрэг], нэмэхэ [нэмэхэ]; х.-монг. зэс [dzэс], хэнгэрэг [хэнгэрэг], нэмэх [нэмэх] и т.п.

В то же время как у бурят-окинцев, так и у соётов, пожалуй чаще даже у соётов, приходилось нередко слышать и переднерядный гласный э типа халхаского или калмыцкого. Уловить какую-либо закономерность, объясняющую различие в употреблении этих гласных, не удалось. Часто параллельно употребляются оба варианта. Так, например, нами фиксировалось двойное произноше-

ние слов типа тэргэ [tɛrɣɛ] наряду с [tɛrɣɛ] - телега, нэхэй [nɛxɛi] наряду с [nɛxɛi] - овчина, тэрээнийе [tɛrɛ:n'i:jɛ] наряду с [tɛrɛ:n'i:jɛ] - того, его и т.п.

Объяснить такое произношение можно, видимо, влиянием монгольского языка, поскольку соёты сравнительно недавно, как и буряты-хонгодоры, одни из предков окинских бурят, вышли из Монголии и могли сохранить переднерядный э [ɛ] как рудимент.

И окинские буряты, и соёты произносят на месте общемонгольских *ö и *ü гласные е и у центрального ряда [ɛ] и [ʊ], которые характерны для всех остальных бурятских говоров и калха-монгольского языка. Такое произношение резко отличает эти языки от калмыцкого языка, в котором сохраняются переднерядные [œ] и [y].

Характерной чертой фонетики окинского говора является то, что у соётов, и у бурят, особенно у лиц старшего возраста, фонема е существует как самостоятельная и противопоставленная фонеме у. Например: хөрхө (замерзать) - хурэхэ (достигать), х.-монг. хөрөх (замерзать) - хурэх (достигать); өргөн (широкий) - ургэн (подбородок) (ср. лит.-бур. үргэн (широкий) - үргэн (подбородок), х.-монг. өргөн (широкий) - эруу (подбородок). Нами зафиксировано очень много слов, в которых окинцы произносят обычно е вместо литературного у. Например:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
мөндөр	мүндэр	мөндөр	möndür	град
өрөм	үрэм	өрөм	örüm	сверло
төрө	турэ	төр	törü	свадьба
хөрөккө	хургэхэ	хөргөх	körgükü	заморозить
өнгө	үнгэ	өнгө	önggü	цвет
сөбө	сүбэ	цөв	çöbe	вытопки сала
өвгөн	үбгэн	өвгөн	ebügen	старик.

Множество слов представлены в двойной форме: то с е, то с у:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
дөрбөн ~ ~ дүрбэн	дурбэн	дөрөв	dörben	четыре
дөшөн ~ ~ дүшэн	душэн	дөч	döšin	сорок
хөрөө ~	хорөө	хөрөө	kirüge	пила

· ~ хурёө

хөл ~ хул	хүл	хөл	köl	нога
хөхө ~ хүхэ	хүхэ	хөх	köke	синий
өдөр ~ үдэр	үдэр	өдөр	edür	день
өбөл ~ убэл	үбэл	өвөл	ebül	зима
өлөн ~ үлэн	үлэн	өлен	ölün	голодный
дөшө ~ дүшэ	дүшэ	дөш	döši	наковальня
өбөхөн ~	үбхэн	өвс	ebesün	трава.
~ үбхэнэн				

Явление сосуществования фонем ө и ү в тех случаях, где отсутствует их смысловое противопоставление, можно объяснить, на наш взгляд, теми же причинами, что и сосуществование переднерядного [ɛ] с смешаннорядным [з], то есть остатками монгольского влияния, когда еще не выработалось единой нормы произношения.

Смешение ө и ү в языковом сознании вызвало, видимо, произнесение ө зачастую там, где исторически его и не было, а был этимологический *ü. Например:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
төрйһэн	турьһэн	турс	türisü	икра рыб
зөһөхө	зүһэхэ	зүсэх	jüsüku	разрезать
һөрөг	һүрэг	сүрэг	sürüg	стадо
һөхө	һүхэ	сүх	süke	топор
һөбө	һүбэ	сүв	sübe	ушко иглы
һәмө	һүмэ	сүм	süme	церковь.

Кроме того, наблюдается в говоре и произнесение фонемы о вместо исконного у в твердорядных словах:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
хобсаһан	хубсаһан	хувцас	qubcasun	одежда
һорха	һураха	сурах	surqu	спрашивать
һомон	һуман	һум	numun	лук (оружие)
һомон	һуман	сум	sumun	стрела.

Для окинского говора характерно в ряде случаев произнесение разгубленных э и а на месте соответственных огубленных ө, о или у, ү. Например:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
эбэднэ	үбдэнэ	өвднө	ebedmüi	болит
баһэ	бүһэ	бүс	büse	пояс

баряад	буряад	буриад	buriyad	бурят
баргааһан	бургааһан	бургаас	buryasun	ивняк.

Это разгубление иногда прослеживается и в заимствованных словах. Ср. например, тэжүүрхэ < русск. тужурка, сэндүүг < русск. сундук.

В некоторых случаях пары с огубленным и разгубленным гласными сосуществуют. Зафиксированы следующие варианты:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
тэриһэн ~ төриһэн	түрһэн	түрс	türisü	икра рыб
зэлгүүр ~ зулгүүр	зулгүүр	зүлгүүр	jülgegür	веничек для котла
бөлеэн ~ бүлеэн	бүлеэн	бүлээн	büliyen	теплый
бөлэхэ ~ бөлэхэ ~ ~ бүүлэхэ	бүлэхэ	бүлэх	bülekü	пахтатъ
эмэдэн ~ емэдэн ~ ~ үмэдэн	үмдэн	өмд	ömüdüün	штаны.

Во многих же случаях, напротив, наблюдается появление огубленного у на месте исконного широкого э, который фиксируется в литературном бурятском языке:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
нураһэн ~ ~ нөрөһөн	нэраһэн	нэрс	nersün	голубика
шунэһэн	шэнэһэн	шинэс	zinesün	лиственница
улэһэн	элһэн	элс	elesün	песок
гүдэһэн	гэдэһэн	гэдэс	gedesün	живот
гүдэргээ	гэдэргэ	гэдрэг	gedergüü	назад
шуртаһэн	шэртэһэн	-	-	заноза
сүмэхэ	сэмэхэ	цөмөх	comükü	грызть
гушууһэн	гэшууһэн	гишуу	gesigün	ветка
бүдэр	бөдир	бидэр	bider	красинка.

Исторический гласный *i в окинском говоре претерпел в общем такое же развитие, как и в других бурятских говорах, западных и восточных, то есть в огромном количестве случаев этот *i диссимилировался, претерпев так называемый перелом, но в то же время есть немало примеров, когда он и сохраняется:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
индзаган	инзаган	яндзга	injayan	козленок ан-тилопы

илааһан	илааһан	ялаа	ilaya	муха
илакка	илгаха	ялгах	ilyaqu	различать
хируу	хяруу	хяруу	kirayu	иной.

Примеры на перелом *i:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
шудэн	шудэн	шуд	šidün	зуб
нюдэн	нюдэн	нуд	nidün	глаз
шудэр	шудэр	чөдөр	čidür	пути
шуһан	шуһан	цус	čisun	кровь
шанар	шанар	чанар	činar	качество
шоно	шоно	чоно	činu-a	волк
нялха	нялха	нялх	nilqa	младенец
ямаан	ямаан	ямаа	imayan	коза
мяхан	мяхан	мах	miqan	мясо
мянган	мянган	мянга	mingyan	тысяча
жолоо	жолоо	жолоо	jiluya	поводья.

Как известно, исторический *i в первых слогах мягкорядных слов в бурятских восточных говорах отражается в виде смешаннорядного э [з] в анлауте и в виде того же э [з] и более узкого и [i] после шипящих ш, ж и й. В окинском говоре наблюдается в общем та же картина, только чаще слышится в анлауте и наряду с э, а после шипящих и й преимущественно и. Приведем примеры:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
эдихэ ~ идихэ	эдихэ	идэх	idekü	кушать, есть
эдир ~ идир	эдир	идэр	ider	молодой
эли ~ или	эли	ил	ile	ясно, видно
инеэдэн	энеэдэн	инээд	iniyedün	смех
йихэ	ехэ	их	yike	большой
жил	жэл	жил	jil	год
йирэ	ерэ	ир	ire	приходи
шинэ	шэнэ	шинэ	sine	молодой
жиргэнэ	жэргэнэ	жиргэнэ	jirgemüi	щебечет.

Под влиянием гласного i в окинском говоре в речи бурят и соётов, наблюдается опереднение, смягчение твердорядных согласных, чем окинский говор сближается с другими западными говорами бурятского языка и с калмыцким языком, отличается от восточных бурятских говоров и соответственно литературного бурятского языка:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
нэрин ~ ~нариин	нарин	нарийн	нэрин	narin	тонкий
нэрэй	нарай	нярай	нирэ	nirai	новорожденный
эрбин	арбин	харвин	-	qarbing	брюшной жир
эмтан	амитан	амьтан	эмтн	amitan	живое существо
табин	табин	тавь	тэвн	tabin	пятьдесят
тэвжур	табжур	тавиур	тэвжур	talbiyur	подставка
дэвирхай	дабирхай	давирхай	-	dabirqai	смола.

Однако следует отметить, что подобное определение твердых гласных в окинском говоре не столь развито, как это наблюдается в эхиритских бурятских говорах.

Другой особенностью окинского говора и некоторых других западных бурятских говоров является отпадение (полная редукция) аялаутных кратких гласных в некоторых словах:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
мээл	эмээл	эмээл	emegel	седло
неэн	үнеэн	үнээ	üniyen	корова
неэхэ	энеэхэ	инээх	iniyekü	смеяться
неэдэн	энеэдэн	инээд	iniyedün	смех
неедөр	үнее үдэр	өнөөдөр	önüdür	сегодня
нээни	энээнэй	үүний	egün=ü	этого.

В отношении сингармонизма окинского говора следует отметить, что здесь как бы сосуществуют две системы - хоринского типа и халха-монгольского. Употребляющийся тип сингармонизма зависит от того, какой гласный, е или ү, произносится в первом слоге. Если е, то и в последующих слогах будет однотипный звук, но только менее напряженный, например: өбөөн [ɔbɔhɔŋ] - трава, сено, өмөдөн [ɔmɔdɔŋ] - штаны, өбгөн [ɔbɔŋ] - старик, хөрөккө [xɔrɔk:kɔ] - заморозить, ср. соответственно лит.-бур. үбэн, үмдэн, үбгэн, хүргэхэ; х.-монг. өвс(өн), өмд(өн), өвгөн, хөргөх.

Если же в первом слоге произносится ү, то в последующих - либо смешаннорядный ненапряженный э [ɛ], либо более открытый э [ɛ̃]. Например: үбэдэг [ybɛdɛg] - колено, хүмэлдэргэ [xümɛlɛdɛrgɛ] - нагрудная шлея седла, үндэгэн [ündɛgɛn] - ядро. Ср.

соответственно лит.-бур. үбдэг, хүмэлдэргэ, үндэгэн, х.-монг. өвдөг, хөмөлдрөг, өндөг(өн).

Очень часто гласный о [ɔ] в ауслaute произносится с очень заметным разгублением, переходя в ненапряженный а [ʌ]: торха [tɔrxʌ] наряду с торхо [tɔrxɔ] - бочка, ошха [ɔʂxʌ] наряду с ошхо [ɔʂxɔ] - пойти, хотига [xɔtʰiɣʌ] наряду с хотиго [xɔtʰiɣɔ] - нож, болха [bɔlxʌ] наряду с болхо [bɔlxɔ] - быть; стать. Ср. соответственно лит.-бур. торхо, ошохо, зап.-бур. хотиго, лит.-бур. хутага, болохо.

Относительно качества долгих гласных, употребляющихся после первослогового у [ü], современные бурятский, калмыцкий и халха-монгольский языки не дают единообразной картины. В каждом из этих языков свои закономерности. Так, в халхаском после у первого слога может следовать только долгий ээ, после е - ее: үзээгүй (еще не видел), өгөөгүй (еще не дал).

В калмыцком языке после первослогового у и даже е следует долгий открытый гласный [æ:], обозначаемый в калмыцкой орфографии в виде э или ээ: например: үзэд уга (не видел), өгэд уга (не дал).

В литературном же бурятском языке после у первого слога может следовать как долгий ээ, так и ее: үнеэн (корова), тулеэн (дрова), но үзөөгүй (не видел), үгөөгүй (не дал). В этом существенное отличие сингармонизма бурятского языка от других монгольских языков.

В то же время в хоринском говоре, легшем в основу бурятского литературного языка, употребление ее после первослогового у носит более регулярный характер. Ср. хор. үнеэн (корова), гузеэн (брюшина), гуйгөөд (бежав) соответствуют лит.-бур. үнеэн, гүзээн, гуйгээд; х.-монг. үнээ, гүзээ, гуйгээд; калм. үнэн, гүзэн, гүүнэд; ст.-монг. uniyen, güjegen, güyigeged. При этом важно, что гласный у первого слога имеет здесь этимологический характер, являясь первичным, так как в других случаях появление ее можно объяснить сохранением остаточного состояния бурятской фонетики от тех времен, когда в бурятском языке в первом слоге был не у, а е, как и в монгольском языке, и за этим е должен был следовать ее.

После перехода ж в у в бурятском языке этот ее сохранился в виде рудимента. Однако приведенные выше примеры из хоринского говора и ряд форм из литературного языка типа үзөөгүй,

(не видел) - х.-монг. үзээгүй, в которых өө следует за этимологическим у (< *ü), а не ү (< *ö), говорят о том, что в бурятском языке, особенно в его восточных говорах (типа хоринского), выработалась своя система сингармонизма, оторвавшаяся от той закономерности, что өө следует только после ү (< *ö). Она стала распространяться и на у (*ü).

В окинском бурятском говоре в отношении губного сингармонизма действует закономерность, согласно которой употребляется долгий өө, если стоящий перед ним первослоговой у восходит либо к е, который развился из *ö, либо к ө, который появился на месте *i. Если такой у представляет собой развитие *ü, то за ним, как и в монгольском языке, следует долгий ээ:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
үзээд	үзээд	үзээд	үзэд	üjegeд	увидев
ухээд	ухээд	ухээд	үкэд	ükegeд	умерев
хүрээ	-	хүрээ	күрә	küriye	ограда
гүзээн	гүзээн	гүзээ	гүзән	güjegeн	брюшина
гүрээ	гүрөө	гүрээ	гүрә	gürege	сонная артерия
үдээри	үдөөри	үдээр	үдәр	üdegeri	крепёжные ремешки.

Примерами сингармонизма типа у - өө могут служить слова:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
дүрөө	дүрөө	дөрөө	дөрә	dörüge	стремя
тулөө	тулөө	төлөө	төлә	tölüge	ради, для
зүндөө	зүндөө	зөндөө	зөндән	jöngdegen	стихийно
гүрөөнэн	гүрөөнэн	гөрөөс	гөрәси	görügesün	зверь
хүрөө	хөрөө	хөрөө	көрә	kirüge	пила
сүлөөн	сүлөөн	чөлөө	челән	čilüge	свободное время.

Как видно из сравнительного материала, в этих словах в первом слоге на месте у был гласный ө, как и в халха-монгольском языке. После перехода ө в ү характер сингармонизма остался. Но в то же время в окинском говоре есть ряд исключений из этого общего правила, когда здесь, как и в хоринском говоре, вместо долгого ожидаемого ээ видим долгий өө. Но таких слов немного:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>КАЛМ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
гүбөө	гүбээ	гүвээ	гөвә	gübege	пригорок

тургөөр тургөөр тургээр тургяр түрген-ийер быстро.

Долгие гласные, стоящие в конечном открытом слоге, главным образом в показателе исходного падежа (лит.-бур. -һаа), произносятся в окинском говоре как краткие гласные полного образования (но не как краткие редуцированные). Например: гэрһэ [gərɬɛ] - из дома (лит.-бур. гэрһээ), эндэһэ [ɛndʒɬɛ] - отсюда (лит.-бур. эндэһээ), тээ тэндэһэ [tɛ:tɛndʒɬɛ] - вон отсюда (лит.-бур. тээ тэндэһээ), туунһэ [tu:nɬɛ] - от него (ср. лит.-бур. тэрээнһээ), дайна урдүүр [dʒɛnɬa] - до войны (лит.-бур. дайнаа урдүүр).

Для окинского говора характерно появление дифтонгов -ай, -ой, -уй на месте конечных кратких гласных в именах существительных, представляющих собой названия животных или растений. При этом большинство из них имеет в своем составе словообразующий аффикс -гана: хулганай (мышь) вместо лит.-бур. хулгана, хулганаан; харганай (карликовая березка) вм. лит.-бур. харгана, харганаан (карагана); шасарганай (облепиха) вм. лит.-бур. шасаргана, шасарганаан; долоогонай (боярышник) вм. лит.-бур. долоогоно id; табилганай (таволга) вм. лит.-бур. таволга (< русск.), ср. х.-монг. тавилгана (таволга); сургууй (наряду с сурга) - болотный багульник, ср. х.-монг. сургар, ст.-монг. surɣar id. Сходное явление отмечено в тункинском говоре, например: шасарганай (облепиха), хулганай (мышь), алаганай (окунь) (ср. лит.-бур. алагана)⁶. Это же характерно и для закаменского говора, в котором тоже встречаются, по нашим наблюдениям, словоформы типа хэдэгэнэй (шмель) вм. лит.-бур. хэдэгэнэ.

Как известно, весьма разнообразную картину по бурятским говорам дает развитие исторических общемонгольских дифтонговых комплексов⁷. В одних говорах, главным образом западных, на их месте в массовом количестве развились долгие монофтонги, причем опережденные в твердорядных словах. Восточные говоры больше сохранили дифтонгов, как и халха-монгольский язык. Западные бурятские говоры в этом отношении ближе стоят к калмыцкому языку.

В окинском говоре, как показывают наши наблюдения, нет пока единой твердой нормы произнесения дифтонгов. В речи одного и того же человека, носителя говора, исторические дифтонги либо сохраняют свой дифтонговый характер, либо переходят то в долгие монофтонги с э- или и-образным призвуком в конце, то в чистые долгие монофтонги. Рассмотрим все это подробнее:

-ayi- (-ai) дает аэ [æ], ээ [æ:], эй [æi], ээ³ [æ:ɛ] ээ [ɛ:], например: дээн [dæɛŋ] - война (лит.-бур. дайн, зап.-бур. дээн, х.-монг. дайн, калм. дээн, ст.-монг. dayin); бээ [bæɛ] - стой (лит.-бур. бай, зап.-бур. бээ, х.-монг. бай, ст.-монг. bai); ээха [æɛχʰ] - бояться (лит.-бур. айха, зап.-бур. ээха, х.-монг. айх, калм. ээх, ст.-монг. ayiqu); ээ³ даг [æ:ɛ-dʌg] - пугливый (лит.-бур. айдаг, зап.-бур. ээдаг, х.-монг. айдаг, калм. ээдг, ст.-монг. ayiday); хэйр [χæir] - гравий (лит.-бур. хайр, зап.-бур. хээр, х.-монг. хайр, ст.-монг. qayir); гахаэ [qaxaxæ] - свинья (лит.-бур. гахай, зап.-бур. гахээ, х.-монг. гахай, калм. наха, наха, ст.-монг. yaqai); хоолээ [χo:lɛ:] - горло (лит.-бур. хоолой, х.-монг. хоолой, ст.-монг. qoyulai); хойортээ [xɔjɔrte:] - двухгодовалый (лит.-бур. х.-монг. хоёртой, калм. хойрта, ст.-монг. qoyartai);

-eyi- (-ei) дает ии [i:], ий [i:¹], и [i:], ээ [ɛ:], ээ^й [ɛ:¹], эй [ɛi]: тиимэ [ti:mɛ] - такой (лит.-бур. тиимэ, х.-монг. тийм, калм. тиим, ст.-монг. teyimü); сиидэм [sɪ:dɛm] - вода, забеленная молоком (лит.-бур. сиидэм, калм. чиидмг, ст.-монг. seyidem); иимэ [i:mɛ] - такой (лит.-бур. иимэ, х.-монг. ийм, калм. иим, ст.-монг. eyimü); зүгн [zü:n] - пчела (лит.-бур. зүгн, х.-монг. зөгий, калм. зөг, ст.-монг. jögei); дули ~ дүлээ [duli:~düle:] - глухой (лит.-бур. дули, х.-монг. дулий, калм. дүлэ, ст.-монг. dülei); тури ~ түрээ ~ түрээ^й [turi:~türe:~türe:¹] - голенище (лит.-бур. тури, х.-монг. турий, калм. түрэ, ст.-монг. türei); үгээ ~ үгээ^й ~ үгн ~ үгн^й [üɛ:~üɛ:¹~ü:n~ü:n:¹] - нет (лит.-бур. үгн, х.-монг. үгуй, калм. уга, ст.-монг. ügei); эрбээхэй [ɛrbɛ:χei] - бабочка (лит.-бур. эрбээхэй, х.-монг. эрвээхий, калм. эрвэке, ст.-монг. erbegekei); нэхээ^й [nɛχɛ:¹] - овчина (лит.-бур. нэхн, х.-монг. нэхий, калм. некэ, ст.-монг. nekei); дэмэй [dɛmɛi] - зря, напрасно (лит.-бур. дэмн, х.-монг. дэмий, ст.-монг. demei); нэгн ~ нэгээ ~ энэгэй [nɛ:n~nɛ:ɛ:¹~ɛnɛɛi] - большой кусок войлока (лит.-бур. нээн, х.-монг. эсгий, калм. ишке, ст.-монг. isegei, evegei - войлок);

-oyi- (-oi) дает оо [œ:], оо³ [œ:ɛ], оэ [œɛ], оэ [ɔɛ], ой [ɔi], например: оорхон [œ:rχɔŋ] - близко (лит.-бур. ойрхон, зап.-бур. оорхон, х.-монг. ойрхон, калм. оорхн, ст.-монг. oyiraqan); оолокко ~ оо³ локко [œ:lɔq:ɔ~œ:ɛ:lɔq:ɔ] - понимать (лит.-бур. ойлгохо, х.-монг. ойлгох, ст.-монг. oyil-

yaqu); нөөтөн [nœ:tɔŋ] - мокрый (лит.-бур., х.-монг. нойтон, зап.-бур. неетон, калм. неэти, ст.-монг. nouitan); ээ [œɛ] - лес (лит.-бур., х.-монг. ой, зап.-бур. еэ, калм. э, ст.-монг. oi); ээлгосотээ [œɛlqɔvɔtœɛ] - понятный (лит.-бур. ойлгосотой, ст.-монг. ouilyasatai); толгээ [tɔlɔœɛ] - голова (лит.-бур., х.-монг. толгой, калм. толна, ст.-монг. toluyai); могээ ~ могөө [mɔqɔɛ ~ mɔqɔœɛ] - змея (лит.-бур., х.-монг. могой, калм. моъа, ст.-монг. moyai); нохээ ~ нохөө [nɔxɔɛ ~ nɔxœɛ] - собака (лит.-бур., х.-монг. нохой, калм. ноха, ст.-монг. noqai); хорхээ ~ хорхөө [xɔrɔxɔɛ ~ xɔrɔxœɛ] - червяк (лит.-бур. х.-монг. хорхой, калм. хорха, ст.-монг. qorqai); нээр ~ нойр [nœɛr ~ nɔir] - глухарь (лит.-бур. нойр, х.-монг. сойр, ст.-монг. soyr); нээр [nœɛr] - сон (лит.-бур., х.-монг. нойр, зап.-бур. неэр, калм. нёр, ст.-монг. nouir); мөөнөн [mœɛhɔŋ] - черемуха (лит.-бур. мойл, х.-монг. мойл, зап.-бур. мееһон, ст.-монг. moyilsun);

-uyi- (-ui) дает уэ [uɛ], уй [ui], ий [bi], ый, ий [bi:ⁱ], например: уэлаха [uɛlɔxɔ] - плакать (лит.-бур. уйлаха, х.-монг. уйлах, калм. уульх, зап.-бур. уулаха, ст.-монг. uylaqu); уэтан [uɛtɔŋ] - узкий; тесный (лит.-бур., х.-монг. уйтан, зап.-бур. уутхан, калм. уутъхн, ст.-монг. uyitan); гуйлга [ɣuilqɔ] - подарок (лит.-бур., х.-монг. гуйлга, ст.-монг. yu-yilya - просьба; милостыня); ургый [urqɔi] - подснежник (лит.-бур. ургы, х.-монг. яргуй, ст.-монг. irayui); харгый [xarqɔbi] - дорога (лит.-бур. харгы, х.-монг. харгуй, ст.-монг. qarɣui); мансий [mansɔi] - пеленки (лит.-бур. мансы, х.-монг. манцуй, калм. манцу, ст.-монг. mansui); хансын [xansɔ:ⁱ] - рукав (лит.-бур. хамсы, х.-монг. ханцуй, калм. ханцн, ст.-монг. qansui);

-üyi- (-üi) дает үэ [üɛ], үй [üi], үү [ü:ⁱ], ий [i:], ий [i:ⁱ], например: хуэтэн [xuetɔŋ] - холодно; холодный (лит.-бур., х.-монг. хүйтэн, зап.-бур. хуутэн ~ хиитэн, калм. кйитн, ст.-монг. küyiten); хүйһэн [xuihɔŋ] - пуп (лит.-бур. хүйһэн, зап.-бур. хууһэн, х.-монг. хуйс, калм. кйисн, ст.-монг. küyisün); дургүэ [durɣuɛ] - не хочет (лит.-бур. дургауй, х.-монг. дургуй, калм. дурн уга, ст.-монг. duragüi); эзэгүэ [zɛɣuɛ] - пустой, без хозяина (лит.-бур. эжагуй, эзэгуй, х.-монг. эдзгуй, калм. эзн уга, ст.-монг. ejegüi); үүһэн [ü:ⁱhɔŋ] - береста (лит.-бур. үйһэн, зап.-бур. үүһэн,

х.-монг. уйс, ст.-монг. uyisün); гүүхэ [gü:ⁱxэ] - бежать (лит.-бур. гуйхэ, зап.-бур. гүүхэ ~ гиихэ, х.-монг. гуйх, калм. гүүх, ст.-монг. güyükü); түүмэр [tü:ⁱm'ər] - лесной пожар (лит.-бур., х.-монг. туймэр, зап.-бур. туумэр, калм. туумр, ст.-монг. tüimer); муэлэ ~ миилэ [mü:elə ~ mi:ⁱlə] - десны (лит.-бур. муйлэ, х.-монг. буйл, калм. буул, ст.-монг. büi-le); худы [xüdi:] - сколько (лит.-бур. хэды, зап.-бур. ху-дн, х.-монг. хэд, хэдий, калм. кеду, ст.-монг. kedüi).

Такой разнотой в эволюции и рефлексах исторического комплекса ГС со вторым гласным *i*, а также конечных дифтонгов указывает на незавершенность процесса развития долгих монофтонгов из дифтонгов и дифтонговых комплексов в окинском говоре как в языке бурят, так и соётов.

Консонантизм

Среди особенностей состава согласных окинского говора можно отметить следующие.

Самым существенным отличием говора окинских бурят от говоров других бурят является наличие аффрикат ч [tʃ], ц [tʃ], дж [dʒ], дз [dʒ] на месте общебурятских щелевых ш [ʃ], с [s], ж [ʒ], з [z]. При этом аффрикаты окинцами произносятся в достаточном количестве слов как в их начале, так и в конце и середине. Различий в употреблении аффрикат между бурятами и соётами не обнаруживается. Их произносят в равной степени как буряты, так и соёты. Произнесение аффрикат вместо общебурятских щелевых согласных для окинцев не является обязательной нормой. Видимо, только по этой причине один и тот же человек, носитель говора, произносит слова то с аффрикатами, то без них, так как аффрикаты и упоминавшиеся выше варианты гласных э [э ~ -э], е ~ ү [э ~ ү] могут рассматриваться в окинском говоре тоже как монгольское влияние.

Обнаружено все же несколько слов, в которых всеми произносятся преимущественно аффрикаты. Например:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
гандзага	ганзага	гандзага	yanʃuʒa	торока
янгарцаг	-	янгиццаг	yanggircaʒ	вьючное седло
олонцог ~	олонсог	олонцог	olunʃuʒ	седельная
~ олгонцог				подушка
индзаган	инзаган	яндзга	inʃajan	козленок
				антилопы.

Свистящий характер сохраняющихся аффрикат свидетельствует о том, что они связаны своим происхождением в окинском говоре с халха-монгольским языком.

Наблюдения показывают, что из всех аффрикат в наибольшем объеме сохранилась шипящая аффриката дж [dʒ ~ tʃ]:

ОКИН.	ЛИТ.-БУР.	Х.-МОНГ.	СТ.-МОНГ.	ЗНАЧЕНИЕ
һәһьджи	һәнжә	сэндж	senʃi	дужка
хэмджуур	хэмжуур	хэмджуур	kemʃigür	мерка
үлэмджи	үлэмжә	үлэмдж	ülemʃi	остаток
һөөльджуу	һөөлжүү	сөөлджүү	sögөлʃigüü	наискось
хольджирхо	-	холцрох	qolciraqu	скользить
мельджихэ	мулжэхэ	мелджих	mölʃikü	грызть
хөһьджил	хүнжэл	хөнджил	könʃile	одеяло
өһьджихэ	үнжэхэ	өнджих	önʃikü	ночевать
һараальджин	һараалжан	сараалджин	saralʃin	бекас
сусальджин	суусаалжан	цууцаль	cuucali	кулик
хабтагаальджин	хабтагаалжан	хавтгалдж	qabtayalʃi	чибис
туутальджин	туутэй	-	-	горлица
бульджамар	булжамар	болджмор	bolʃumur	жаворонок
тэрмээльджин	тэрмээлжэн	тэмээлдзгэ- нэ	temelʃi- gene	стрекоза
хульджиргэнэ	-	-	-	смородина
шальджилдзуур	-	-	-	копчик.

Примеры во фразах и словосочетаниях: тордж унаха - споткнуться (лит.-бур. торожо унаха); мяхаа шаньдж бэна - варит мясо (лит.-бур. мяхаа шанажа байна); амтээрхадж бэна - вкусно во рту - после вкусной пищи (лит.-бур. амтайрхажа байна); эмэ шоно мяха идеэд хубуудтэ бөөльджидж өгөнө - волчица дает мясо своим детенышам, срыгнув (лит.-бур. эмэ шоно мяха эдеэд хубуудтэ бөөлжжэ үгэнэ); уйладж бэна - плачет (лит.-бур. уйлажа байна); морин гуйдж ямна - конь бежит (лит.-бур. морин гүйжэ ябана); гал носадж бэна - огонь горит (лит.-бур. гал носожо байна); менее хавар больджи бэна - сейчас настает весна (лит.-бур. мунее хавар боложо байна); йижэ ьальтин больдж бэна - начинается большой ветер.

Примеров, когда носителями говора были произнесены слова и со свистящей аффрикатой дз [dʒ] (типа х.-монг. дз), тоже зафиксировано немало: андзаан - соха (лит.-бур. анзаан, х.-монг. анджис, калм. андсх, ст.-монг. anjisun); шоргоолдзон (на-

ряду с шоргоолджон) - муравей (лит.-бур. шоргоолзон, х.-монг. шоргоолдж, калм. шорһлжн, ст.-монг. širyuljin); мандза номон - лук - оружие (ср. закам. банза ~ бандза, банза [~ бандза] номон - лук - оружие); яндз бурийн ~ яндза бурийн - всякий разный (ср. лит.-бур. янза, х.-монг. яндз - вид, форма, тип, х.-монг. яндз бурийн - всякий, всевозможный, разнородный); гундзэгэй - глубокий (лит.-бур. гунзэгы, х.-монг. гундзгий); халдзан - лысый (лит.-бур. халзан, х.-монг. халдзан, ст.-монг. qaljan).

Часто в устах окинцев слышится и шипящая аффриката ч [tʃ]. Например: оччо - уезжая (ср. зап.-бур. одожо), хурч йирээб - я дошел (лит.-бур. хурэжэ ерээб, х.-монг. хурч ирэв); ниичч бээна - летит (лит.-бур. ниидэжэ байна, х.-монг. нисч байна); наачч бээна - играет (лит.-бур. наадажа байна, х.-монг. наадаж байна); бэльчир - стрелка - место слияния двух рек или дорог (лит.-бур. бэлшэр, х.-монг. бэлчир, ст.-монг. belcir); бульчин - икроножные мышцы (лит.-бур. булшан, х.-монг. булчин, ст.-монг. bulcin); хатарч ямна - бежит рысью, рысит (лит.-бур. хатаржа ябана, х.-монг. хатирч явна); абчинабди - мы берем (лит.-бур. абшанабди, х.-монг. бид авчина).

Нередким является произнесение свистящей аффрикаты ц [tʃ] наряду с с [s], хотя таких случаев и не так много, как это было зафиксировано в отношении дж [tʃ] : мал цагаан (наряду с мал сагаан) - домашний северный олень (ср. зап.-бур. сагаан, х.-монг. цаа, цаа буга, калм. цаа - домашний северный олень); монгол цанан - снежная крупа (букв. монгольский снег); ср. лит.-бур. саган, х.-монг. цас, калм. цасн, ст.-монг. šavyn - снег); ганцхан - единственный (лит.-бур. гансахан, х.-монг. ганцхан, калм. һанһрһн, ст.-монг. уансақан); ганцаараа - в одиночку (ср. лит.-бур. гансаараа, х.-монг. ганцаараа, калм. һанцарн, ст.-монг. уансауар-йуан); хөнгөн цагаан - алюминий (букв. легкий белый; ср. лит.-бур. хунгэн сагаан, х.-монг. хөнгөн цагаан алюминий); цамца - рубашка (наряду с самса) (ср. лит.-бур. самса, х.-монг. цамц, калм. цамца, ст.-монг. šamša).

Как можно видеть из сопоставительного материала, аффрикаты окинского говора, как шипящие, так и свистящие, находят полную аналогию в соседнем халха-монгольском языке, будучи идентичны калмыцким аффрикатам. Однако, учитывая, что предки окинцев тесно связаны своим происхождением с Монголией⁸, уместнее

в данном случае рассматривать такое сходство как монгольское влияние.

Другой существенной особенностью консонантизма окинского говора является деформация древнего исконного общемонгольского комплекса *ki, который здесь трансформировался в ти ~ хи ~ си ~ ши [t'i ~ x'i ~ s'i ~ ʃi]. В количественном отношении реализация в речи этих вариантов неравномерна. Наибольшее количество примеров зафиксировано с вариантом хи:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
зубахи	зубхи	зовхи	ʃobki	веко
мохин	мохин	бохъ	boki	сера
захи́ха	захи́ха	захи́х	ʃakiqʉ	заказать
хю́рөө	хю́рөө	хөрөө	kirüge	пила
хю́руу	хю́руу	хяруу	kirayu	иней
жэ́рхи	жэ́рхи	жирх	ʃirki	бурундук
хива́хэ	хива́хэ	хивэх	kibekü	жевать
э́рхи	э́рхи	эрх	erike	четки.

Однако довольно много примеров можно привести и с переходом *ki → ти:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
ту́льтихэ	ту́лхихэ	ту́лхих	tülkikü	толкать
му́льтихэ	му́лхихэ	мө́лхөх	mölkikü	ползаты
та́льти	та́лхи	та́лхи	talki	кожемялка
на́льти	на́лхи	на́льх	naliqa	заболонь
ти́заалан	хи́заалан	хя́заалан	kiʃayalang	4-летний
сэ́ньтир	сэ́нхир	цэ́нхэр	ʃengkir	голубой
дээ́тти	дээ́дэхи	дээ́дэх	degedeki	верхний.

В то же время на месте *ki довольно часто наблюдается не хи или ти, а особый щелевой глухой согласный звук - среднеязычный глухой щелевой [ç], который здесь варьирует в произношении с сибиллянтами сь [s] и шь [ʃ]. Например, древнемонгольское kilü - граница звучит в говоре как силэ ~ шилэ [çilɛ ~ šilɛ ~ ʃilɛ] (ср. лит.-бур. хилэ, х.-монг. хил); kirbekü - укоротить, подрезать - звучит как сирбэхэ ~ ширбэхэ [çirbɛxɛ ~ ʃirbɛxɛ] (ср. лит.-бур. хирбэхэ, х.-монг. хирвэх); халхаскому хиисэх, лит.-бур. хиидэхэ - развеяться на ветру - здесь соответствует шиидэхэ [ʃi:dɛxɛ]; dakin - снова - звучит здесь как дасин [daʃiŋ] (ср. лит.-бур. дахин, х.-монг. дахин); orkiqʉ - бросить, оставить - как орси́хо [ɔrçiχɔ] (ср. лит.-бур. орхи́хо, х.-монг. орхих).

Многие слова произносятся то с хи, то с си ~ ши или с ти. Твердой нормы нет. Это свидетельствует о незавершенности процесса модификации комплекса *ki и в то же время подтверждает смешанный характер окинского бурятского говора, так как хи и си характерны для тункинского говора⁹, а также для аларского¹⁰, ти - для нижнеудинского говора¹¹, а ши ~ си ~ ти - для боханского¹², то есть для говоров, которые соседствуют или территориально недалеко от окинского говора.

Следующие примеры могут иллюстрировать смешанный характер произношения в устах окинцев рефлексов *ki: так, древнее sal-kin - ветер-произносится как хальхин ~ хальтин (ср. лит.-бур. халкин, х.-монг. салхи); kirmaу - снег-пороша - как хярмаг ~ шярмаг (ср. лит.-бур. хирмаг, х.-монг. хярмаг); araki - вино, водка - как архи ~ арси ~ арши (лит.-бур., х.-монг. архи); tamaki - табак - как тамахи ~ тамси (лит.-бур. тамхин, х.-монг. тамхи); зап.-бур. хии - сухой навоз-здесь звучит как хии ~ сии ~ шии; зап.-бур. хилмаа - удочка; крючок-произносится окинцами как хилмаа ~ хялмаа ~ шилмаа ~ тялмаа.

Менее разнообразны в окинском говоре модификации комплекса *gi. Так, здесь он, как и во всех традиционных бурятских говорах без исключения, развился в йэ, йа, йо (по гармонии гласных):

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
харьяйа	харья	харги	qargi	быстрина
баайаха	бааяха	баагих	bayagiq	дымить
шууйаха	шууяха	шуугих	suugiq	шуметь
шаайаха	шааяха	шаагих	sagiq	журчать
сорьяохо	сорьёхо	цоргих	corgiq	продырявить
йалаэха	ялайха	гялайх	gilayiq	блестеть
йалгар	ялагар	гялгар	gilayar	блестящий
горьяю	горьё	горхи	yorki	пряжка
эрьйэ	эрье	ирэг	irge	валух
эрьйүүлэ	эрьюулэ	эргүүлэг	ergigülge	водоворот.

Ряд слов в окинском говоре имеет й, хотя в литературном языке вместо него представлен г:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
бэрьйэн	бэригэн	бэргэн	bergen	невестка
хурьяэн	хурьгэн	хургэн	kurgen	зять
тэрьйэлхэ	тэргэлхэ	-	-	убегать.

Это говорит о дальнейшем развитии процесса перехода *в перед *i в щелевой й.

Согласный же *г перед *i, сохранивший свою смычность и не перешедший в й, дал в окинском говоре, как правило, смычный палатализованный дь. Эта закономерность здесь, можно сказать, универсальна, свидетельством чего является масса зафиксированных нами случаев, в которых комплекс *gi дал только один вариант — ди. Иллюстрацией могут послужить нижеследующие примеры:

<u>окин.</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>ст.-монг.</u>	<u>значение</u>
тээнди	тээнги	-	-	столб в юрте
эньди	энгин	-	-	самка лося
тэрэньди	тэрэнги	-	-	багульник
шэрэньди	шэрэнги	ширэнгэ	-	молодой лес
аньдир	ангир	ангир	anggir	турпан
хоньдино	хонгино	сонгино	songginu	лук (растение)
маньдинан	мангир	мангир	manggir	дикий чеснок
заньдилаа	зангилаа	зангилаа	janggilaya	узел
хоньдинуур	хонжинуур	хонгинуур	qongginayur	ботало
дольдин	долгин	долгио	dolgiyan	волна
буланьди < < *bulang-i	булангай	булангийн	bulang-un	угловой
зальдиха	залгиха	залгих	jalgiqu	глотать
гульдиха	гулгиха	гулгих	yulgiqu	срыгивать.

Появление палатализованного дь на месте палатализованного гь и даже щелевого й отмечается в говоре и в русских заимствованиях, например: шааньди < русск. шаньги; ханьдяаг < русск. коньяк.

Из соседних бурятских говоров переход *gi в ди характерен для тункинского¹³ и нижнеудинского¹⁴ говоров. В языке аларцев в данной позиции отмечается развитие щелевого й¹⁵. Возможно, что окинцы принесли эту закономерность с собой из Тунки, выходами из которой являются основные их предки.

В отношении столь специфичного для традиционных бурятских говоров перехода *в в һ и д следует отметить, что и окинский говор не является исключением. В нем тоже *в, если он исторически не стоял перед *i (ибо в этой позиции оь, как и в большинстве монгольских языков вообще, перешел в ш), развился в

h в предвокальной позиции и в д в поствокальной позиции как перед консонантом, так и в ауслауте. Например:

окин.	лит.-бур.	х.-монг.	ст.-монг.	значение
улад	улад	улс	ulus	народ
зэд	зэд	дзэс	ᠵев	медь
урдаха	урдаха.	урсах	urusqu	течь
адхаха~ ~ атакка	адхаха	асгах	asyaqu	проливать
бодохо	бодохо	босох	bosqu	вставать
дуудаха	дуудаха	дуусах	dayusqu	кончатся
саһан	саһан	цас	ᠴасун	снег
һээн	һайн	сайн	sayin	хороший
һара	һара	сар	sar-a	месяц
тоһон	тоһон	тос	tosun	масло
һуни	һуни	шөнө	ᠰöni	ночь
шинэ	шэнэ	шинэ	ᠰine	новый
душэ	душэ	дөш	dösi	наковальня.

Особенностью окинского говора в данном случае является то, что ауслаутный д, развившийся из *в, а в некоторых случаях и исконный д, попав в позицию перед гласным и в основах имен существительных при наращении показателей винительного и родительного падежей, совпавших здесь с и, заменяются проточным фарингальным h. Например: улад (народ) - улаһи (народа); хуунууд (люди) - хуунууһи (людей); хонид (овцы) - хониһи (овец); морид (кони) - мориһи (коней); бургэд (орел) - бургэһи (орла) и т.п.

Примечательно, что восстанавливающееся с не переходит перед и в ш, как это происходило когда-то в монгольских языках. Видимо, к тому времени, когда в окинском говоре *в стал давать h, процесс развития *в перед и в ш уже завершился и в дальнейшем *в перед и переходил только в h. По аналогии всякий конечный д стал ассоциироваться с д (< *в).

Интересно, что в глагольных основах перехода *в → д → h не наблюдается и д здесь остается без изменений. Например: бод- (встать) (< вос-) - бодоо (встал); дууд- (кончиться) (< dayus-) - дуудаа (кончился) и т.п.

Полностью идентичная картина поведения д (< *в) в именах, где он дает h, и в гласных, где он сохраняется, наблюдается, судя по данным Н.Н. Поше, и в соседнем аларском говоре¹⁶. Чередование д и h, возникших из *в, отмечается и для тункинского говора¹⁷.

Сохранение же в ряде окинских слов и форм согласного *с в виде того же свистящего сибиллянта с, безусловно, следует рассматривать как влияние соседнего монгольского языка. Но таких фактов немного. К ним относятся, например, суу - молоко (ср. х.-монг. суу, лит.-бур. хун, зап.-бур. уьун, уьан), сургаал - учение, теория (ср. х.-монг. сургаал, лит.-бур. хургаал), йалас гээ - сверкнул (ср. х.-монг. гялс хийв, лит.-бур. ялад гээ), суусари - помесь соболя и куницы (ср. х.-монг. суусар - куница). Но есть слова, имеющие с, которые совпадают с литературным бурятским языком. Эти лексемы не только для говора, но и для литературного языка являются монголизмами. Примеры:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
сойол	соёл	соёл	soyul	культура
абьяас	абьяас	авьяас	abiyaas	талант
ноёрсохо	нойрсохо	нойрсох	noyirsaqu	почивать
саэн	сайн	сайн	sayin	здравствуй
адагуусан	адагуусан	адгуус	adyusun	животное
хэрэгсэл	хэрэгсэл	хэрэгсэл	keregsel	оснащение.

Следующей особенностью консонантизма окинского говора является употребление удвоенного согласного кк [qɑ или kɑ] (по характеру сингармонизма) на месте сочетаний г + х, х + г, х + х, которые представлены в других бурятских говорах и монгольских языках, хотя в речи окинцев могут встретиться оба варианта. Данное удвоение возникло за счет редукции и полного отпадения гласных звуков, стоявших между этими согласными. Особенно последовательно эта закономерность проявляется при быстром темпе речи, хотя нельзя в то же время утверждать, что она не характерна для нормальной речи. Именно из-за данного явления общепурятские слова в окинском говоре несколько видоизменяют свой фонетический облик. Например:

<u>ОКИН.</u>	<u>ЛИТ.-БУР.</u>	<u>Х.-МОНГ.</u>	<u>СТ.-МОНГ.</u>	<u>ЗНАЧЕНИЕ</u>
гаракка	гаргаха	гаргах	garɣaɣu	выводить
токко	тохохо	тохох	toququ	седлать
хакка	хахаха	хахах	qaqaqu	поперхнуться
атакка	атхаха	атгах	adququ	схватить
мурэkkэ	мургэхэ	мөргөх	morguku	горстью
Уккэ	ухэхэ	үхэх	ükükü	молиться
				умереть

урэkkэ	ургэхэ	ургэх	urgeku	отпрянуть
гэkkэй	гэхэгүй	гэхгүй	kemekü ügei	не говорит
хэлэkkэй	хэлэхэгүй	хэлэхгүй	kelekü ügei	не скажет
мэдэkkэй	мэдэхэгүй	мэдэхгүй	medekü ügei	не знает
баэkkэй	байхагүй	байхгүй	bayiqu ügei	отсутствует.

Из других говоров подобное явление отмечается в виде характерной черты еще в тункинском¹⁸ и аларском¹⁹ говорах, в которых тоже представлены словоформы типа мэдэkkээ - не знает и гаракка - выводить. По нашим наблюдениям такого же типа удвоения кк представлены и в закаменском говоре, в котором тоже говорят мэдэkkээб - я не знаю, хэлэkkээб - я не скажу и т.п.

Согласный л в позиции перед *n (< l) реализуется в окинском говоре двояким образом: буряты произносят л ([ɔ] или [g] в зависимости от сингармонизма слова), а соёты сохраняют ң [ŋ]. Так, нами зафиксирована разница в произношении следующих слов, содержащих исторический комплекс *nn (< **ŋl):

<u>буряты</u>	<u>Оки</u>	<u>соёты</u>	<u>лит.-бур.</u>	<u>х.-монг.</u>	<u>калм.</u>	<u>ст.-монг.</u>
агнаха		аңнаха	агнаха	агнах	аңнх	angnaqu - охотиться
шагнаха		шаңнаха	шагнаха	чагнах	чиңнх	cingnaqu - слушать
хагнаха		хаңнаха	гагнаха	гагнах	хаңнх	yangnaqu - паять
тэгнэхэ		тэңнэхэ	тэгнэхэ	тэгнэх	теңнх	tengnekü - уравновесить вьюки.

Как видно из сравнения, соёты сохраняют в данном случае более архаичную форму, как и калмыки. Сохранение ң в этих примерах не отмечается ни в тункинском, ни в аларском, ни в других бурятских говорах. Возможно, что соёты сохраняют более архаичный облик этих слов под влиянием соседнего языка прижубсугульских монголов-дархатов, которые тоже произносят в словах подобного типа согласный ң [ŋ], насколько можно судить по материалам Г.Д. Санжеева, где находим дархатскую словоформу чаңнаха (прислушиваться)²⁰.

Появление соётов в Оке связано именно с районом Прижубсугуля, где и поныне обитают, кроме тувиноязычных племен, монголоязычные дархаты. Именно от них предки нынешних бурятских

соётов могли в свое время усвоить дархатский язык и принести с собой его знание при переселении к бурятам. Это обстоятельство помогло, видимо, им довольно быстро адаптироваться среди бурят и обурятиться в отношении языка, а также повлияло, возможно, и на сохранение в речи соётов фонемы ө (<*ö), переднеязычного характера фонемы э (<*e), шипящих и свистящих аффрикат дж, ч, ц, дз, хотя подобные особенности встречаются и в речи бурят Окинской долины. При этом в речи бурят они тоже могли сохраниться под воздействием языка соседних монголов, с которыми некоторые окинские бурятские роды связаны своим происхождением. В Окинской же долине при последующем смешении бурят и соётов монгольские черты в речи обеих групп могли взаимодействовать, усиливаться и тем самым сохраняться.

Произведенный нами краткий общий анализ звукового строя окинского говора, особенностей речи как бурят, так и соётов, показал, что основу звукового строя говора составляют общепурятские черты. Специфика же его вызвана не только сохранением монгольских, а у соётов, видимо, дархатских, черт, но и влиянием соседних аларского и тункинских говоров, с которыми окинский говор объединяется в одну группу, к которой в свою очередь примыкает и закаменский говор. Во всяком случае собранные нами недавно материалы по строю закаменского говора во многом содержат аналогичные черты.

Дальнейшей задачей является проведение более широкого сравнительно-сопоставительного исследования внутри этой выявленной группы, чтобы точнее определить объемы сходства и расхождений. Подобное же исследование предстоит осуществить и с другими выявленными группами бурятских говоров: ахирит-булагатской, хоринской, цонголо-сартуло-хамниганской. Без подобных исследований невозможно уточнение диалектной структуры бурятского языка, а также его ареальное и историческое изучение.

¹ См.: Рассадин В.И. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. - Улан-Удэ, 1985. - С. 3-20; его же. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. - Улан-Удэ, 1987. - С. 3-20.

² См.: Рассадин В.И. Указ. соч. - С. 3.

- 3 См.: Castrén M.A. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849, hrsg von Anton Schiefner. - St.-Pb., 1856. - С. 396.
- 4 См.: Рассалин В.И. Система гидронимов бассейна р. Оки // Исследования по ономастике Бурятии. - Улан-Удэ, 1987. - С. 41-48.
- 5 См.: Рассалин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. - М.: Наука, 1982. - С. 14-16.
- 6 См.: Черемисов К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. III. Несколько замечаний о тункинском диалекте // Зап. Бур.-Монг. НИИЯЛИ. - Улан-Удэ, 1941. - Вып. 3-4. - С. 123.
- 7 Подробнее см.: Рассалин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. - С. 59-65, 65-68; Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 94-101, 104-105, III-III2.
- 8 См.: Дугаров Б.С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. - Улан-Удэ, 1983. - С. 90.
- 9 См.: Абашеев Д.А. Тункинский говор // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1965. - Вып. I. - С. 11-12.
- 10 См.: Поппе Н.Н. Аларский говор. - Л., 1930. - Ч. I. - С. 8.
- 11 См.: Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта. На материале монгольских языков. - М.: Наука, 1978. - С. 49-50, 57-58.
- 12 См.: Хомонов М.П. Боханский говор // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1965. - Вып. I. - С. 47.
- 13 См.: Абашеев Д.А. Указ. соч. - С. 12.
- 14 См.: Дарбеева А.А. Указ. соч. - С. 61.
- 15 См.: Поппе Н.Н. Указ. соч. - С. 26.
- 16 См.: Поппе Н.Н. Указ. соч. - С. 25.
- 17 См.: Черемисов К.М. Указ. соч. - С. 129.
- 18 См.: Абашеев Д.А. Указ. соч. - С. 9.

19 См.: Поппе Н.Н. Указ. соч. - С. 9.

20 См.: Санжеев Г.Д. Дархатский говор и фольклор. -
Л., 1931. - С. 51.
